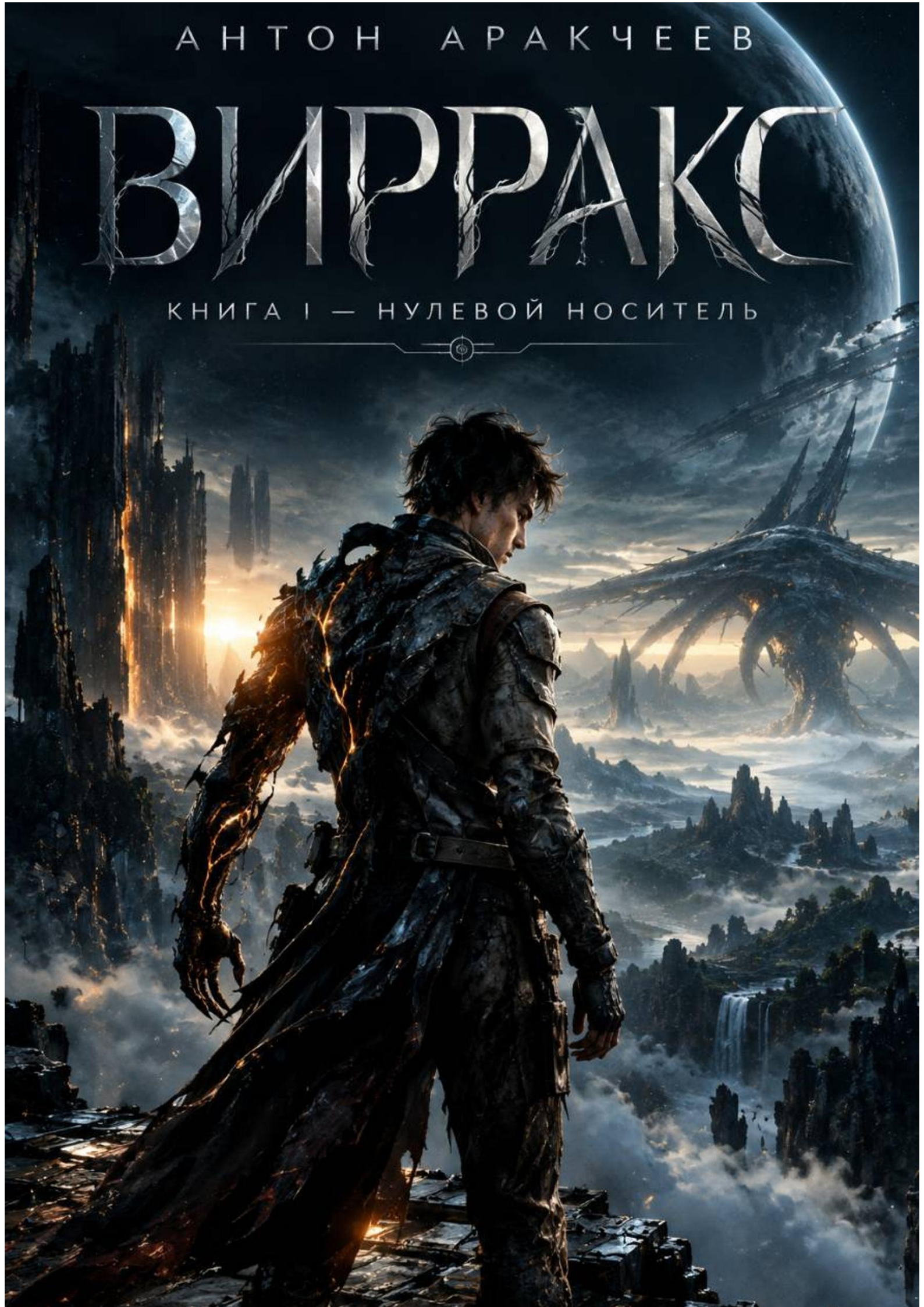

АНТОН АРАКЧЕЕВ

ВИРРАКС

КНИГА I — НУЛЕВОЙ НОСИТЕЛЬ

АНТОН АРАКЧЕЕВ

Вирракс - нулевой носитель

«Автор»

2026

Аракчеев А.

Вирракс - нулевой носитель / А. Аракчеев — «Автор», 2026

Кайр Вейрн — техник аварийных ворот Нижних секторов Эстары. У него нет дара, нет связей и нет будущего выше тридцатого яруса. Есть только привычка, за которую его не любят напарники: он замечает то, что перестало происходить. Замолчавший вентилятор. Остановившийся сквозняк. Отменённый патруль. В ночь, когда глубина под Нижними секторами просела на девять метров, эта привычка свела его с первым разумным вирраксом. Теперь тело Кайра умеет то, чего не умеет никто: оно может сказать эволюции «нет». Но Память плоти не дарует силу — она выставляет счёт, и счёт этот не терпит отсрочки. Пока Королевский зал адаптации охотится за носителями, пока в Нижних секторах исчезают люди, а в комплексе «Морвен-9» ставят эксперименты над живыми, Кайр делает невозможное — и платит по каждой победе. Потому что вирракс не выбирает сильнейших. Он превращает пережитое в оружие — и выставляет счёт: запах дома, тепло человеческой руки, живое в голосах. Тёмное фэнтези о цене неуязвимости. Книга первая.

© Аракчеев А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ВИРРАКС	5
АКТ I. ЧЕЛОВЕК БЕЗ ДАРА	6
Глава 1. Техник Нижних секторов	7
Глава 2. Ниже уровня обслуживания	10
Глава 3. Тот, кто ждал	13
Глава 4. Первая цена	16
Глава 5. Данные, которые не должны были существовать	19
Глава 6. Выход	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Вирракс - нулевой носитель

ВИРРАКС

Нулевая ветвь · Роман

Серия «ВИРРАКС» · Книга первая

Тёмное фэнтези · 16+ · Издание для Litres

Проект «ВИРРАКС» · 2026 Эстара · Нижние секторы

Аннотация

Кайр Вейрн — техник аварийных ворот Нижних секторов Эстары. У него нет дара, нет связей и нет будущего выше тридцатого яруса. Есть только привычка, за которую его не любят напарники: он замечает то, что перестало происходить. Замолчавший вентилятор. Остановившийся сквозняк. Отменённый патруль.

В ночь, когда глубина под Нижними секторами просела на девять метров, эта привычка свела его с первым разумным вирраксом. Теперь тело Кайра умеет то, чего не умеет никто: оно может сказать эволюции «нет». Но Память плоти не дарует силу — она выставляет счёт, и счёт этот не терпит отсрочки.

Пока Королевский зал адаптации охотится за носителями, пока в Нижних секторах исчезают люди, а в комплексе «Морвен-9» ставят эксперименты над живыми, Кайр делает невозможное — и платит по каждой победе. Потому что вирракс не выбирает сильнейших. Он превращает пережитое в оружие — и выставляет счёт: запах дома, тепло человеческой руки, живое в голосах.

Тёмное фэнтези о цене неуязвимости. Серия «ВИРРАКС». Книга первая.

Книга предназначена для чтения и аудио-издания. Возрастное ограничение: 18+. Серия «ВИРРАКС» продолжается.

Примечание: оглавление построено на кодах полей. После правок щёлкните по оглавлению правой кнопкой мыши и выберите «Обновить поле», чтобы обновить номера страниц.

АКТ I. ЧЕЛОВЕК БЕЗ ДАРА

Вначале погасли звёзды. Потом замолчала техника. Потом проснулись те, кого техника держала в глубине.

— народная примета Нижних секторов, «Ночь погасших звёзд»

Глава 1. Техник Нижних секторов

Ворота узла Л-26 закрывались со звуком, похожим на выдох уставшего зверя, и Кайр Вейрн двадцать седьмой раз за смену отметил, что звук изменился.

Раньше выдох был длиннее. На полтоны. Месяц назад контур уплотнителя стали собирать по новой спецификации — дешевле, тоньше, «эквивалентная герметичность». Эквивалентная герметичность звучала короче. Значит, зазор был больше. Значит, срок до следующего обслуживания сокращался не по бумагам, а по физике.

Кайр записал это в журнал под графой «замечания», зная, что графу никто не прочитает. Потом ещё раз посмотрел на ворота — не на цифры на экране, а на сами ворота, — и убрал инструмент.

— Опять пишешь? — спросил Гарн от смотровой панели. Старший смены был крупным, медленным на слова человеком, который в Нижних секторах выжил дольше всех, потому что никогда не торопился жить. — У них регламент: раз в цикл. Не чаще.

— Регламент говорит, когда проверять. Он не говорит, сколько раз замечать.

— Заметил что-нибудь?

— Ворота стали закрываться быстрее. Полтона.

Гарн хмыкнул. В его исполнении это означало и «не понимаю», и «верю», и «ничего делать не буду» — весь словарь напарника уместился в этот звук. Кайр ценил в нём честность. Другие техники на его месте сказали бы «показалось» и пошли бы пить остывший чай. Гарн просто запоминал.

— Пятнадцать лет как я тут, — сказал старший смены, пока они шли по галерее к следующему узлу. — И каждую ночь слава небу, что мы внизу, а не наверху. Наверху ворота останавливают толпу. Внизу — давление. Давление не умеет притворяться.

Кайр промолчал. Он не был согласен, но спорить было не с чем: Гарн имел право на свою тишину, как любой человек, переживший Ночь погасших звёзд в сознательном возрасте.

Эстара помнила Первое Погасание так, как помнит старый шрам: не болью, а формой. Официальная версия — космическая погодная аномалия неизвестной природы, четыре минуты затемнения, массовый отказ техники, штатная паника. Официальная версия издавалась на красной бумаге и висела в каждом учебном классе. Народная версия жила в приметах: звёзды погасли, машины встали, а миллионы людей в одну и ту же минуту видели один и тот же сон. О сне не писали на красной бумаге. О сне рассказывали детям, чтобы они не подходили к решёткам на нижних ярусах.

Потому что после Погасания в глубинах проснулся Вирракс.

Слово это внизу не произносили с почтением и почти никогда — с точностью. Дикие всплывали со дна раз в несколько лет: твари, которые ломали технику и изменялись, пока их ломали. О Разумных ходили кадры засекреченной съёмки и молитвы приходов на верхних ярусах. Архонты оставались теорией — слишком старой, чтобы быть чем-то, кроме страха.

А ещё внизу шептались о носителях — людях, которым вирракс по непонятной причине передал часть себя. Палата платила за наводки о них премию, равную двухлетнему доходу нижеярусной семьи.

Кайр не думал о глубине за пределами смены. У него была работа, сестра с плохими руками и хорошей головой, квартира на четырнадцатом ярусе с видом на вентиляционную ферму и девятнадцать дней до ближайшей выплаты. Этого хватило бы и на троих. На двоих — впритык.

— Ты сегодня дома будешь к десятому? — спросил Гарн. — На седьмом ярусе фактория закрыла набор. Люди шумят.

— Если смена не продлят.

— Смены не продлевают. Смены либо кончаются, либо заканчиваются тобой.

Гарн любил афоризмы так же, как ворота любил новые уплотнители: без всякой надежды на то, что это что-то изменит.

Дома Нера ждала его за рабочим столом у окна — стол был завален контурными картами шифров, потому что шифровальное бюро Верхних ярусов платило за точность, не спрашивая, какими руками она достигается. Руки Неры не слушались уже третий год. Прогрессирующее нервное заболевание: сначала пальцы, потом кисти, потом — врачи не договорили, они вообще не любили договаривать, особенно с нижеярусными. Лекарство существовало. Цена на него пересматривалась каждые полгода в сторону, которую Нера называла «астрономической», а фармацевты Верхних ярусов — «рыночной». А капризы техники в их квартире были старой семейной шуткой: будильники у Неры останавливались, хронометры вставляли на третий день, светильники мигали, когда она уставала, — электрик дважды менял проводку и дважды разводил руками. Врачи Верхних ярусов, осматривая её, однажды вписали в карту строку, которую вычеркнули и переписали трижды: «показатели под нагрузкой аномально стабильны — расценивать как индивидуальную норму».

— Ты хмуришься, — сказала она, не поднимая головы. — У тебя хмурость стареет быстрее лица. Я это уже записывала?

— Дважды.

— Значит, правда важная. Как смена?

— Как смена. Одно замечание в журнал, один афоризм от Гарна. Уплотнители на Л-26 сменили на тонкий контур — я сказал, что он закрывается на полтона быстрее.

Нера наконец подняла голову. У неё было то же, что у Кайра, лицо — слишком серьёзное для своих лет, с резкой чертой под носом, — и совсем другие глаза: весёлые, от этого вся строгость лица становилась похожа на маскарадный костюм.

— Полтона, — повторила она. — Брат, тебе нужно хобби. Нормальное. Чтобы можно было рассказывать за ужином.

— У меня есть хобби. Я слушаю, как ты подшучиваешь над моей хмуростью.

— Это не хобби. Это обязанность семьи.

Она усмехнулась и вернулась к картам, и Кайр смотрел, как её пальцы — неторопливые, точные, с дрожью в самой мелкой фазе движения, о которой она не знала, что он видит, — ведут линию по контуру. Три года назад она могла шифровать шесть карт за вечер. В прошлом месяце она сдала четыре. В этом месяце — три. Она считала это сама и держала счёт в той же тетради, где расписывала бюджет на лекарства, и он знал об этом счёте, а она знала, что он знает, и оба не поднимали эту тему — из вежливости, которая у семьи Вейрн заменяла нежность.

Лифт в их подъезде пел на седьмом ярусе — старый, с надтреснутой нотой, и Нера поднимала голову за полминуты до первого звука: не на дверь, не на звонок, просто поднимала. «Слух шифровальщицы», — говорила она. За полчаса до его лифта у них в кране шипел воздух — давление в старом стояке опускалось, и по этому шипению она считала его возвращения, как по часам. Кайр не задумывался об этом. Тогда ему казалось, что слушать — это его работа, и только его.

Вызов пришёл в 21:40.

Не на его персональный планшет — на общую аварийную линию сектора, голосом без эмоций, от которого у всех техников между лопатками холодело всегда, независимо от стажа: «Внимание. Узел Л-12, третья отметка. Зафиксирована просадка давления ниже расчётной. Смена продлевается. Технический состав — по списку готовности».

— Третья отметка, — сказал Гарн, появившись в дверях уже в снаряжении. — Это ниже уровня обслуживания, техник. Там сорок лет ничего не было, кроме страховок.

— Просадка какая?

— Девять метров. По всему горизонту сразу.

Кайр посмотрел на свои руки. Потом на сестру.

— Иди, — сказала Нера до того, как он открыл рот. — Ты же слышал: по списку готовности. Меня в этот список не вносят, а ты вносишься. Соберись, Кайр. Шифры никуда не уйдут, карту я добыю.

— Нера.

— Девять метров по всему горизонту сразу — это не течь, брат. Это кто-то начал дышать. Иди туда, пока дышит вглубь, а не сюда.

Кайр взял сумку. У двери обернулся — он всегда оборачивался, и она всегда делала вид, что не замечает, — и увидел, как она стянула дрожащую руку со стола и положила её на колено, спокойно и бережно, как кладут инструмент в футляр.

Лифт технического обслуживания шёл вниз четырнадцать минут. За это время Кайр успел надеть страховку, перебрать в голове регламент и вспомнить, что в детских приметах, которые рассказывала мать, глубина упоминалась всегда одинаково: не ходи туда, где тише, чем должно быть.

Он не верил в приметы. Он верил в звуки.

Поэтому за четыре минуты до прибытия, когда гарнитура сектора издаёт служебный сигнал прибытия, Кайр Вейрн уже стоял у двери с сумкой в руке и слушал.

Вентиляция галереи работала. Он слышал её весь спуск.

Вентиляция работала. И в ней не было сквозняка.

А в Л-26, и в Л-30, и в каждом узле до Л-12 включительно сквозняк был всегда. Тридцать лет, круглый год, все смены — старожилы ставили на него ставки и учили по нему новичков считать глубину. Ветер в технических галереях не останавливался. Он не останавливался никогда.

Кайр снял сумку с плеча, затянул страховочный ремень на пряжку и подумал о том, что ворота сегодня закрылись на полтона быстрее, и что это, возможно, было первым словами одного очень долгого разговора.

Двери лифта открылись. Гарн шагнул первым.

Навстречу им из глубины дышало ровное, тяжёлое, безразличное тепло.

Глава 2. Ниже уровня обслуживания

Ниже уровня обслуживания мир Эстары менял правила. Наверху инженерия секторов строилась вокруг человека: перила, ступени, высота проходов, цветовая маркировка. Здесь, на отметках, куда последние тридцать лет спускались только аварийные бригады и страховые инспекторы, пространство строилось вокруг давления. Оно решало, где можно стоять, куда можно смотреть и сколько времени можно жить.

— Напоминаю на всякий случай, — сказал Гарн, отсчитывая у шлюза циферблаты личных датчиков. — Третья отметка — это сорок атмосфер расчётных. Эквивалентная температура плюс сорок. Время работы без перегерметизации — сорок минут. Всё, что дальше, — за пределами страховки, и комиссия по несчастным случаям нас даже не похоронит по-человечески, потому что сначала попросит документы.

Комбинезоны третьей герметизации держали расчётные сорок атмосфер; дальше ткань сдавалась мгновенно и целиком — не потому, что не умела больше, а потому, что умевшие больше весили больше человека. Фильтры дыхания были рассчитаны на те же сорок минут агрессивной среды: на сорок первой они не ломались — они начинали молчать, и это было хуже поломки, потому что молчащий фильтр не отличить от работающего.

— Ободряюще, — сказал техник Дол, молодой, шумный, нанятый три месяца назад.

— Это не ободрение. Это расписание.

Просадка фиксировалась уже на второй отметке. Приборы показывали то, что Кайр никогда не видел за восемь лет работы: горизонталь всей технической подложки сектора опустилась на девять метров, равномерно, как будто кто-то снял со стола одну из стопок книг. Равномерность и была главной загадкой. Течь рвёт. Течь — это хаос, рваные кромки, паника стрелок. Здесь стрелки лежали ровно, будто их так уложили.

На третьей отметке бригада встала. Прямо — герметичная пробка старого межъярусного створа, за которой начинались уровни, вычеркнутые из реестра ещё при жизни родителей Гарна. Инженерная колодка на пробке была вскрыта.

Кайр присел и провёл пальцем по краю среза. Край был ровный. Слишком ровный. Изолирующую пену не разорвало перепадом — её съели, аккуратно, по спирали, слой за слоем, как едят плод. По краю спирали остались тонкие, одинаковые, как нарезка, борозды.

— Дикий, — сказал Дол сипло. Это был не вопрос. Все видели такие борозды на учебных фотографиях — в разделе «признаки присутствия».

— Дикий не ест по спирали, — сказал Кайр. — Дикий рвёт. Я вскрывал четыре таких и каждый раз разгребал брыки. Это не брыки. Это аккуратность.

— Аккуратность, — повторил Гарн без выражения. — Отлично. Аккуратность мне нравилась ещё меньше, чем брыки.

Он был прав, и Кайр знал, почему. Дикие были понятны: страх, голод, территория. Аккуратность предполагала цель. Цель предполагала разум. А разум в глубинах по всем канонам Палаты существовал в единственном экземпляре на континент, и тот сидел в кадрах, которые стоили дороже, чем весь их сектор.

— Пробку не вскрываем, — сказал Гарн. — Задача бригады — герметизация Л-12 сверху и уход наверх до усиления. Кайр, твоя разводка клапанов, потом все поднимаются. Дол, перестань дышать мне в шею.

Клапанная разводка заняла одиннадцать минут. Кайр сделал её вслепую, руками, не глядя на схему, потому что схема требовала света, а света было мало, и потому что эту разводку он сам же и проектировал два года назад — на столе, на бумаге, с припиской, которую отклонили сверху: «нижние отметки бесперспективны».

Пока он работал, он слушал.

Сквозняка не было. Вентиляция шумела — а галерея стояла. Тридцать лет по этим трубам тянуло от верхних ярусов вниз, к разгерметизированным старым жилым карманам, и ветер этот был такой привычный, что вписан в учебники по расчёту глубины: «поправка на нижний тягун».

Тягуна не было. Воздух не дул вниз. Воздух уходил ВНИЗ — медленно, ровно, слоисто, как уходит тепло от остывающего тела.

— Гарн, — сказал Кайр, не поднимая головы. — Тягун сменился.

Пауза. Потом шаги. Старший смены подошёл, встал рядом, снял перчатку и поднёс ладонь к решётке — жест, которому их всех учили на первом курсе, и который никто никогда не выполнял, потому что датчики честнее.

— Затхло, — сказал он наконец. — И тепло. Сорок лет внизу никто не жил, а пахнет, как будто кто-то вчера готовил еду.

— Датчики?

— Датчики говорят «норма». Датчики всегда говорят «норма», когда им не хватает воображения.

Гарн посмотрел на пробку. Потом вниз, под ноги — туда, где под решёткой уходила во тьму старая сервисная лестница, тридцать лет как вычеркнутая из реестров и, по всем бумагам, заваренная наглухо. Решётка над лестницей стояла открытой.

— Я же слышал, как ты записываешь, — сказал Кайр тихо. — У тебя привычка постукивать пером, когда считаешь. Ты сейчас считал время подъёма.

— Я считал не время подъёма, — ответил Гарн. — Я считал, сколько человек в старом жилом кармане может быть, если тягун тянет оттуда тепло и запахи еды.

Кайр замер.

Закреть пробку сейчас — значило подписать тем, кто мог быть там жив, одну бумагу: «объект не обнаружен». Гарн пятнадцать лет в глубине и знал, как такие бумаги читаются, когда их однажды вскрывают: они читаются фамилиями.

Ниже уровня обслуживания не жил никто. Жилые карманы старой застройки закрыли тридцать лет назад — целиком, по вертикали, с переселением и компенсациями. Так было во всех учебниках и во всех реестрах.

Но в реестрах не было тепла. И не было запаха еды.

— Там живут люди, Гарн. Не вписанные.

— Или там живёт то, что умеет пахнуть едой. Я видел Диких, которые выучили звуки работающей вентиляции, чтобы заманивать бригады. Я не видел ещё, чтобы кто-то выучил запах супа.

— Тягун тянет вниз. От нас. Если бы источником была тварь — тянуло бы от неё к нам, вверх, в галерею. Тепло идёт в глубину, Гарн. Там внизу — люди, и они греют воздух, не зная, что мы можем это увидеть.

Старший смены молчал долго. За это время Дол успел дважды спросить «что?» и один раз получить ответ «помолчи», после чего наступила та особая тишина, в которой большие решения принимаются не словами, а дыханием.

— Третья отметка, — сказал наконец Гарн. — Ниже — вне страховки, вне реестра, вне всего. Официально мы сейчас поднимемся и закроем пробку. Так говорит регламент, и я подписываюсь под регламентом обеими руками.

— А неофициально?

— А неофициально тридцать лет назад в этих карманах были фамилии, а не номера, и моя первая жена жила на отметке минус четыре, пока её не переселили. — Он затянул перчатку. — Вниз пойдёшь ты, потому что ты единственный, кто не паникует, когда слышит тишину, и потому что ты сам предложишь, даже если я запрещу. Дол — наверх, с докладом. Я остаюсь на отметке с радио. Сорок минут, техник. На сорок первой я объявлю тебя погибшим

при обрушении и уйду, потому что на сорок первой там станет нечем дышать, и мне не нужна вторая похоронная процессия в этом квартале.

— Понял.

— Кайр. — Гарн редко называл его по имени. — Если там внизу Дикий — ты не герою-ствуешь. Ты закрываешь люк и уходишь, и я в отчёте напишу, что видел следы, но не источника. Ты понял мою арифметику?

— Понял. Если там Дикий — я ухожу.

— Я сказал не «если Дикий». Я сказал: если там Дикий. Внизу может быть и не Дикий. Внизу может быть то, что съело пену по спирали и научилось пахнуть супом. И вот от ЭТОГО я тебе правил не дам, потому что правил для него ещё не написали.

Кайр открыл решётку над лестницей. Воздух снизу ударил в лицо — тёплый, слоистый, густой запахами чужой, не вписанной в реестры жизни: жир, варёный крахмал, сырость, железо, человеческое жильё.

Он спускался в тьму, считая ступени, и на тридцать первой ступени понял, что считает вслух, и на пятидесятой — что вслух считает не только он.

Ритм был чужой. Тяжёлый. С оттяжкой на счёте «три» — так дышит не человек, так дышит что-то большое, что дышало так очень, очень долго и никуда не торопилось.

На отметке минус семь лестница кончалась. Дальше начинался карман: арка старого жилого створа, чёрный проём, из которого тянуло теплом, и — в самом дальнем углу, на границе видимости, где фонарь Кайра умирал, выхватывая из темноты лишь верхние слои воздуха, — что-то сидело. Большое. Неподвижное. Сложенное, как цветок, который растёт только на глубине.

Оно не двигалось к нему.

Оно не двигалось вообще.

Оно дышало в такт его шагам — ровно, терпеливо, с оттяжкой на счёте «три», — и по спине Кайра прошло то самое чувство, которое он знал всю жизнь и не умел назвать: как будто он вошёл в комнату, где его ждали, и свет зажгли заранее.

Гарн говорил в наушник: «Кайр, доклад. Кайр, отвечай. Тридцать восемь минут, техник».

Кайр поднял фонарь и переступил порог старого жилого кармана — туда, где сорок лет никто не жил и где кто-то очень терпеливый ждал именно его.

Глава 3. Тот, кто ждал

Тепло старого жилого кармана было живым теплом. Кайр понял это на пороге, по тому, как оно ложилось на кожу слоями — не как жар печи, который бьёт одной волной, а как тепло полного трамвая в мороз: со всеми запахами, которые в этом трамве когда-либо жили. Варёный крахмал. Железо. Мокрая ткань. Что-то сладкое, давно остывшее.

Тридцать лет сюда не заходил никто из вписанных в реестры. И всё же воздух жил, как будто вчера здесь ужинала большая семья.

— Гарн, — сказал Кайр в наушник, тихо. — Я на отметке минус семь. Жилой карман. Обитаем. Следы жизни — свежие, но я не вижу никого. Иду дальше.

— Тридцать девять минут, техник, — ответил Гарн ровно. — И это худший доклад из возможных. «Обитаем» по твоей классификации — это сколько людей?

— Ни одного не вижу.

— В кармане на сорок атмосфер тепла и запаха еды нет людей. Ты слышишь, как это звучит?

— Слышу. Иду дальше.

Фонарь выхватывал из темноты архитектуру чужой жизни, которой не было в реестрах. Старые перегородки стояли расчищенными. Пол был выметен — не разом, а месяцами, по слоям, как выметают, когда живут долго. На стене, там, где в жилых ярусах вешали полки, висели крючки, изготовленные из рёбер чего-то, что было не рыбой и не птицей. Вдоль стены тянулась гирлянда жестяных банок, аккуратно, на равном расстоянии, — и в каждой банке лежал камень.

Просто камни. Отсортированные по размеру. Кайр прошёл мимо них и подумал, что коллекция отсортирована не по размеру, а по весу. По тому, как камень лежит в руке.

Он вышел в центральный зал кармана и увидел его.

Оно занимало собой угол, в котором раньше стояла, судя по меткам на полу, печь. В полумраке, на границе света, его силуэт действительно напоминал глубоководный цветок: складчатый, собранный вокруг центра, с конечностями, уложенными внутрь с той терпеливой аккуратностью, с которой люди складывают на ночь одежду. Ростом оно было выше Кайра на две головы. Панцирные пластины на его «лепестках» были матовыми, исцарапанными, старыми — по ним, как по стволам деревьев, можно было читать годы.

Оно не двигалось.

Кайр остановился. В наушнике Гарн считал минуты, но Кайр уже не слушал счёт. Он смотрел на тварь и ждал того единственного, чему был обязан всей своей профессиональной жизнью: он ждал, что что-нибудь перестанет происходить.

Не произошло ничего. Ни сквозняка, ни щелчка, ни перемены дыхания. Тварь дышала в такт ему — с той самой оттяжкой на счёте «три», — и это было не угрозой. Это было приветствием. Так дышат рядом с тем, чьё присутствие давно перестало быть событием.

— Ты меня ждал, — сказал Кайр вслух. Собственный голос в шлеме прозвучал чужо, тонко, как через воду.

Тварь раскрылась.

Не на шаг — на заминку. Позже, много позже, когда у него будут слова и данные, Кайр вычислит это по записи в тетради: тварь раскрылась на его паузу — на ту единственную секунду, когда он, войдя, первым делом отметил, ЧТО ПЕРЕСТАЛО ПРОИСХОДИТЬ. Не на присутствие — на внимание. За двадцать лет у неё были сотни пришедших; внимания к остановившемуся — она ждала именно его.

Не бросилась. Не зашипела. Она раскрылась, как раскрывается цветок на ускоренной съёмке — складка за складкой, ярус за ярусом, — и то, что Кайр принимал за морду, оказа-

лось куполом, а купол был полон света. Не яркого. Глухого, тёплого, слоистого, как свет через толщу воды. В этом свете по куполу бежали последовательности — узкие полосы, группами, с паузами, — и мозг Кайра, восемь лет читавший показания приборов, сделал то, что умел лучше всего: начал разбирать ритм.

Три удара. Пауза. Длинный — с оттяжкой. Пауза. Два коротких.

— Это не речь, — прошептал он. — Это подпись.

Последовательность повторилась. Точь-в-точь, до микросекунды. Ни один живой орган не повторяет собственный сигнал без вариаций — вариации есть у сердца, у дыхания, у дрожи. Это повторялось, как повторяется запись.

Кайр сделал шаг. Потом ещё один. Он не смог бы объяснить, почему, — и позже, много позже, когда его будут спрашивать люди с удостоверениями и без, он скажет правду: потому что восемь лет в галереях научили его, что страшен не тот, кто ждёт, а тот, кто прячется. Это не пряталось.

Тварь опустила одну конечность. Кончики её лепестков сложились в нечто вроде ладони — плоской, сегментированной, нечеловечески аккуратной, — и протянули её к Кайру раскрытой. Жест, который у людей означает «дай руку». Жест, который у всех классификаций Палаты означал «прощай».

Кайр смотрел на эту ладонь. В наушнике Гарн называл его по фамилии и говорил о сорок первой минуте. Он снял перчатку.

У него было тридцать секунд, чтобы передумать. Он не передумал.

Касание было мягким. Сегменты ладони сомкнулись вокруг его пальцев с точностью, с которой ювелир берёт камень, — и по руке пошёл ритм.

Ритм входил не через кожу. Он входил через кровь. Кайр услышал — впервые в жизни это слово означало не звук — последовательность, которую только что видел на куполе, теперь изнутри: она разворачивалась в нём, как свиток, от первого удара до последнего. Его рука дёрнулась. Он не убрал её. Секунды прошли — много секунд, больше, чем разрешала арифметика Гарна, — и под ритмом начали проявляться образы.

Глубина. Огромная, давящая, родная глубина — виденная не глазами, а всем телом сразу, так, как видит рыба. Звёзды над глубиной — точечные, холодные. И потом: звёзды погасли.

Все. Разом. Не по одному, не по ветру, не за тучами — разом, как гаснет комната, когда кто-то проходит мимо выключателя.

Четыре минуты мир молчал. Не тьма — тишина. Вода не шевелилась. Тепло не поднималось. Даже собственная кровь в собственных жилах двигалась с усилием, как по вязкому стеклу. И сквозь эту тишину, в самом её дне, Кайр почувствовал — уже своими словами, уже своей памятью — то, что миллионы людей Эстары видели в ночь Погасания: что-то смотрело. Из глубины. Без злобы. Без голода. С вниманием, которое тяжелее любой злобы.

Потом звёзды вернулись. Машины завелись. Мир вздохнул и сделал вид, что ничего не было, — а в глубине началась работа. Медленная. Многослойная. Терпеливая.

Касание кончилось.

Кайр стоял на коленях на выметенном полу чужого дома и не мог вспомнить, как оказался внизу. Рука, которой он касался, гудела до плеча — не больно, а полно, как гудит колокол после удара. Тварь отступила на полшага и снова сложилась в цветок, и по её куполу из тусклого света побежала новая последовательность — короткая, дважды, — и Кайр, всё ещё читая его телом, понял её так, как понимают не слова, а интонацию:

«Не бойся. Я записал тебя.»

— Гарн, — сказал он в наушник. Голос сел. Он сглотнул и начал заново. — Гарн. Я живой. Внизу никого нет. Поднимаюсь.

— Тридцать девять минут, Кайр. Что там было?

Кайр посмотрел на тварь. Тварь смотрела в ответ — он знал это всем телом, кожей спины, как знают взгляд между лопаток.

— Старый склад, — сказал он. — Камни, банки, тара. Тридцать лет как никто не живёт. Больше нечего смотреть. Поднимаюсь.

Он солгал первый раз за смену. И, поднимаясь по чёрной лестнице, считая ступени, Кайр Вейрн не знал, что это была не последняя ложь и не главная, — и что через полгода он будет помнить эту лестницу как самое честное место в своей жизни.

Наверху Гарн смотрел на него долго, по-стариковски, поверх очков датчика.

— Ты хромаешь, — сказал он наконец. — И у тебя нет перчатки.

— Потерял. Внизу темно.

— Внизу у тебя был фонарь.

— Гарн.

— Помолчи. — Старший смены закрыл пробку и повернул вентиль до упора, двумя руками, как закрывают не дверь, а тему. — В отчёте будет: пробка цела, пена срезана неизвестным фактором, признаков присутствия нет. Ты писал в журнал про полтона. Я не спрашивал. Ты не спрашивал меня, почему я до сих пор не сдал в утиль первую обручалку. Идём наверх, техник. И молись, чтобы твои руки, — он посмотрел на Кайрову голую ладонь, — оставались просто руками.

Лифт поднимался четырнадцать минут. Кайр стоял, держась за поручень, и слушал собственную кровь.

В крови был ритм. Тот самый — с оттяжкой на счёте «три».

Оно было теперь с ним — или он был теперь с ним. Где кончалось одно и начиналось другое, не знали пока ни Палата, ни учебники, ни сам Кайр Вейрн, техник аварийных ворот, человек без дара.

Глава 4. Первая цена

Нера сварила суп.

Кайр понял это ещё на своём ярусе — не по датчику в лифте, не по дыму из-под двери, а по тому, что лестничная клетка внизу, у мусоропровода, звучала правильно. Он стоял у собственной двери, удерживая сумку, и удивлялся, почему руки гудят, а мысли — нет. Мысли были на удивление чистыми. Как после обморока. Как после долгого сна в чужом месте.

— Где ты пропал? Смена кончилась два часа назад, — сказала Нера, не оборачиваясь, когда он вошёл. Она резала хлеб, и правая кисть делала это с той новой, осторожной геометрией, которую Кайр ненавидел, потому что видел, сколько она стоит. — Ты голодный? Суп на плите.

— Голодный.

Он сел за стол. Нера поставила перед ним тарелку, и пар от супа поднялся к его лицу — густой, медленный, полный запахов.

Которых не было.

Он видел пар. Видел жирные круги на поверхности. Видел, как Нера, отойдя к плите, сунула ложку в кастрюлю, попробовала и поморщилась — «пересолила, скажи правду» — а он не мог сказать никакой правды, потому что не чувствовал ничего. Ни супа. Ни хлеба. Ни её волос, когда она наклонилась над столом рядом. Мир потерял четвёртое измерение — то, о котором никогда не думаешь, пока оно есть.

— Кайр?

— Пересолила, — сказал он. — Немного. Наливаю себе второй, чтобы заглушить.

— Странно, — сказала она, не оборачиваясь. — Я сегодня не досаливала. Я почти не ошибаюсь в соли.

Она усмехнулась — легче, чем нужно, он видел, — и повернулась к плите. А он сидел и смотрел на собственную правую руку, которая гудела до плеча тем самым колокольным гулом, и понимал со всей ясностью, на какую был способен человек с его профессией: гул был не усталостью. Гул был работой. Внутри него, ночью, на глубине, в чужом тёплом доме, что-то начало строить.

Он поднялся среди ночи — тихо, чтобы не услышала, — сел на кухне под единственный работающий светильник и раскрыл тетрадь Неры на пустой странице. Не её рабочую. Свою, из ящика, где лежали старые регламенты.

Зачем ему нужна запись, он бы не объяснил и сам. Он знал только, что восемь лет работы в аварийных системах вбили в него одну истину глубже всех регламентов: то, что не записано, не существует. Всё остальное — вторично.

Он писал долго. Сначала — событие: дата, отметка, описание касания. Потом — следствия: потеря обоняния, полное, без предвестников. Гул в правой руке. Сон как провал. Потом он начал писать то, что понял в темноте, лёжа и глядя в потолок, — понял телом, как понимают протечку по звуку капли:

«Что-то вошло в меня и начало составлять список. Я умею читать чужие списки всю жизнь — только у меня это называлось наблюдательностью, а у него это называется памятью. Оно записывает угрозы. Оно переписывает тело под угрозы. Я — теперь тоже.»

Он посмотрел на написанное. Почерк был его. Смысл был не полностью его. Он дописал внизу, стараясь, чтобы рука не дрожала:

«Правила, которые я пока понял. Первое: оно не даёт силу. Оно меняет тело под то, что тело пережило. Второе: за каждое изменение — счёт. Сегодня счёт: обоняние. Третье: обратного пути в счёт не входит.»

Тетрадь легла под матрас — туда, где у Неры лежали документы. Утром он унёс её на работу в сумке с инструментом, между регламентами, где никто из живых не заглядывал никогда.

Первую перестройку он ощутил на третий день.

Он стоял на узле Л-30, смотрел на показания манометра и вдруг понял, что смотрит не на прибор. Знание о том, что за перегородкой, слева, стоит перепад в полторы атмосферы, пришло справа — из руки, из гудящей правой руки, которая теперь, как выяснилось, читала давление сквозь сорокасантиметровую стену. Кайр подошёл к перегородке. Приложил ладонь. Стенка была простой, бетонной, скучной.

За ней было живо: перепад, турбулентность за третьим поворотом, лёгкая пульсация у старого задвижка — там, где по всем бумагам ничего быть не могло.

Он вызвал бригаду и потребовал вскрытия. Гарн трижды переспросил. Вскрыли: у задвижка — микроразрыв сварного шва, две недели до аварии, вылет на всю галерею, трое погибших по штатной таблице последствий. Мастер, вскрывший стенку, отошёл на два шага, посмотрел на Кайра и сказал только: «Ты как узнал?». И Кайр ответил правду, ровно ту её часть, которую можно было произнести: «Слушал».

Тело работало. Тело умело то, чего не умели приборы. И пока бригада заваривала шов, пока Гарн вносил в журнал формулировку «профилактическое вскрытие по личной инициативе техника», Кайр стоял чуть поодаль и считал.

Не деньги. Не минуты. Он считал то, что потерял.

Обоняние ушло в ночь касания — раньше, чем тело проявило хоть какое-то новое умение. Значит, счёт выставляется не за применение и не за результат — он выставляется за саму перемену: тело подписало договор у печи и списало плату сразу, всей суммой. Способность же проявилась позже, на третий день — когда тело пережило первое давление: спуск, стену, перепад.

Он вывел в тетради три строки — гипотезу, которую можно было проверять: «Триггер — пережитое: глубина, давившая всю ночь. Функция — читать давление сквозь стены. Цена — назначается в момент перемены и списывается сразу. Проверка: следующая перестройка придёт только после нового переживания — и счёт придёт с ней же, в ту же ночь».

Он достал тетрадь, развернул на чистой странице и вывел заголовок, который сам от себя не ожидал:

«Счёт».

Ниже — строкой: «Давление: сквозь стены. Оплачено: обоняние.»

А ещё, уже без тетрадей и граф, он узнал это — самое простое. Однажды в подъезде он поднял её шарф, оставшийся на перилах у лифта, — держал его и не почувствовал ничего. Дом, в котором он прожил двадцать семь лет, остался для него декорацией: у вида больше не было запаха. Он молча повесил шарф на крючок и впервые подумал, что слово «родной» наполовину сделано из запаха.

— Ты опять хмуришься, — сказала Нера тем вечером, за ужином, который он теперь ел как металл: холодный, полезный, безвкусный. — Опять смена тяжёлая?

— Смена как смена. Нера. Дай руку.

Она удивилась — он не просил такого никогда, оба выросли на воспитании «не тормози», — но протянула ладонь поверх стола, ладонью вверх, как в детстве, когда они играли в то, что она «читает» по руке судьбу.

Кайр взял её руку в свою.

И почувствовал давление пальцев. Уверенное, живое, родное давление, по которому мозг безошибочно сказал: это Нера, это твоя сестра, она здесь.

А потом, между одной секундой и следующей, рука отчиталась о чём-то ещё — мелком, постороннем, на что он не подписывался.

А ещё — то, что он тогда списал на погрешность собственных новых чувств: все четыре секунды, пока он держал её ладонь, мелкая фаза её дрожи стояла ровнее, чем держалась месяцами. Данные были слишком хорошими, и он не поверил данным. Отметил — и не поверил.

— Что? — спросила Нера. Она смотрела на его лицо, и он не знал, что она видит. — Ты побледнел. Кайр. Что с рукой? Что с тобой?

— Устал, — сказал он. — Третий день в глубине. Рука отлежалась в перчатке — онемела. Пройдёт.

Он соврал второй раз за неделю.

Нера не поверила — он видел. А тело отчиталось о том, чего он не заказывал: в мелкой фазе её дрожи рука разобрала новую, третью по счёту частоту, которой не было месяц назад. Прошлая отчётность знала две.

Рука читала не болезнь — вибрации: частоту тремора, скорость проводимости, упругость мелкой фазы. Диагноз он достраивал сам, как достраивал по звуку капли протечку. Тело не знало слов «вторая степень» — оно знало цифры. Врачи Верхних ярусов за три года не сумели сказать больше того, что Кайр узнал за четыре секунды прикосновения: болезнь не остановилась. Она ускорила. В месяце, который ей оплачен, — с запасом в полтора.

Он держал сестру за руку и держал на лице то же выражение, с которым держал в руках нагретый металл. Это оказалось самым тяжёлым, что умело новое тело: оно всё записывало. Оно не умело одного — не хотеть знать.

Ночью, в тетради, под строкой «Давление: сквозь стены. Оплачено: обоняние», он вывел вторую строку и долго смотрел на неё, не решаясь поставить точку:

«Осторожно: счёт не кончается сам.»

А на десятый день после спуска, утром, на узле Л-26, ворота Л-26 — те самые, с новым тонким контуром, закрывавшиеся на полтона быстрее, — запели.

Не загудели. Не застонали по-стариковски, как они стонали годами. Запели — ровным, низким, растянутым тоном, который ушёл в пол, в стены, в грудную клетку, и Кайр, стоявший к воротам спиной, обернулся на этот звук, потому что не в нём было дело.

В том, что на этот тон его тело ответило раньше головы.

Правая рука поднялась сама — ладонью к воротам, как ладонь к перегородке, — и Кайр Вейрн, техник третьей категории, человек без дара, человек без истории, стоял посреди галереи, слушая, как из глубины под Нижними секторами ему отвечает что-то большое, терпеливое и очень старое.

Оно поднималось вверх. И оно знало, как его зовут.

Глава 5. Данные, которые не должны были существовать

Через три недели после спуска узел Л-18 попытался убить галерею.

Это было рутиной в исполнении глубины: просадка старой магистрали, рост перепада на участке между отметками, и сорок минут до того момента, когда стена, рассчитанная на тридцать атмосфер, должна была встретиться с сорока четырьмя. По регламенту требовалась бригада из пяти человек: двое на задвижки, двое на контроль, один на резерв. По факту на галерее находился Кайр и техник Дол, у которого закончилась смена и который потому стоял на верхней площадке и рассказывал в радио о своей невесте.

— Дол, — сказал Кайр. — Замолчи на минуту.

— Я про задвижку, я вообще-то про дело! Наверху говорят, не надо руками, говорят, есть порядок—

— Замолчи. Я слушаю стену.

Дол замолчал. Даже невеста, кажется, подождала.

Кайр стоял у центрального задвижка, положив обе ладони на его колесо, и слушал. Так он делал уже неделю — сначала неловко, тайком, потом всё увереннее, потому что тело работало без промаха: правая рука читала перепад, и перепад этот можно было не просто услышать. Его можно было взять.

Не силой. Руки Кайра не были сильнее, чем вчера. Но когда он поворачивал колесо, тело — вся эта новая, экономная, честная в арифметике машина — само находило точку приложения, где сопротивление среды падало на треть. Он не давил на задвижок. Он договаривался с давлением.

Задвижок пошёл. Первый, второй. Магистраль перезапустилась с сухим щелчком, перепад упал, стена перестала считаться покойницей.

Сорок минут работы пяти человек заняли у Кайра одиннадцать. И он единственный в галерее знал, что произошло не «хорошо отработал». Произошло невозможное.

— Что это было? — спросил Дол снизу. В его голосе впервые за три месяца не было шума. — Кайр. Что это было? Ты один повернул центральный. Один. Я смотрел в глаза своей невесте быстрее, чем ты его прошёл.

— Разминка, — сказал Кайр. — Помоги вынести инструмент.

Он сказал это ровно, без нажима, и в момент, когда произносил, понял две вещи сразу. Первое: ложь теперь стоила ему дешевле правды. Это была плохая цена — не обоняние, не тепло, не сон, а что-то, что раньше называлось совестью, а теперь превращалось в тактику.

Второе: за его спиной, на панели узла, ровно светились индикаторы датчиков физиологического контроля. Аварийные работы — как всякая работа в глубине — писались в журнал целиком: пульс, дыхание, нагрузка, временные метки. Журнал ушёл в общий архив сектора автоматически.

Он вернулся в архив не потому, что забыл о журнале. Он помнил о нём каждый день с той смены — и три из них взвешивал, как взвешивают нагрузку на старый мост.

Расклад был такой. Не стереть — значит оставить кривую: ровную, нечеловеческую линию, по которой любая вертикаль рано или поздно выйдет на носителя. Стереть — значит оставить подпись: сам факт вмешательства, адресованный тому, кто умеет читать логи. Кривую ищет причина — безлично, методично, навсегда. Подпись ищет человек — а человек устаёт, отходит, ошибается. Он выбрал оставить след вмешательства, но спрятать характер аномалии: пусть ищут сбой датчика, а не носителя. Это был расчёт на выигранное время — и он знал его цену заранее.

Он сделал это чисто, как делал всё руками, — и не своими руками. Вход в архив он закрыл под временный ключ технического обходчика: штатный инструмент, который выдавался на срок ревизии и который он третью декаду носил в сумке вместе с регламентами. Восстановил индексы, поправил журнал обслуживания, закрыл операцию штатной меткой. Никакой записи о ночной смене на Л-18 в архиве больше не было.

Выйдя из архива, уже в лифте, он поймал себя на том, что руки у него сухие и спокойные — и только тут по-настоящему испугался. Не арифметики: а того, что арифметика эта у него получилась быстрее, чем совесть. Ложь теперь стоила ему дешевле правды — и это была самая дорогая цена из всех, что ему пока выставляли.

В тот же вечер, на сорок втором уровне столицы, старший аналитик Королевского зала адаптации получил по служебной вертикали плановую выборку аномалий Нижних секторов. Выборка готовилась автоматически, раз в декаду, и в девяти случаях из десяти состояла из дребезга датчиков и кабальных претензий подрядчиков.

Файл Л-18 не был ни тем, ни другим.

В файле была кривая. Кривая физиологической нагрузки человека, поворачивающего центральный задвижок, выглядела как линия, а не как гора: ровный пульс, ровное дыхание, нулевой рост усилия на участке, где по всем нормам физики усилие должно было расти. Под кривой стояли временные метки и технический состав смены. Три фамилии.

Аналитик открыл следующую запись и увидел, что запись о работах на Л-18 в архиве сектора отсутствует — а вместе с ней в утреннем пакете шёл автофлаг целостности, который архив выставил сам, ночью, без человека: минус одна строка, вход по временному ключу обходчика, срок ключа истекает через шесть дней. Ключ был штатный. Отпечаток был человеческий. Система не знала, кого потеряла, — но она знала, ЧТО потеряла, и говорила об этом ровным голосом машины.

— Варнек, — сказал аналитик, соединившись с соседним кабинетом. — Ты должен это увидеть.

Варнек Дор, командир группы задержания Палаты, дочитал файл быстрее, чем аналитик успел сесть. Он был сухим человеком с лицом, которое в мирное время не выражало ничего, — не потому, что чувств не было, а потому, что выражать их было не приказано.

— Время архива? — спросил он.

— Удаление — в 22:41. Работы на Л-18 — четырьмя днями раньше. Проверка по вертикали и по слежению —

— Не надо вертикали, — сказал Варнек. — Вертикаль — это те, кто умеет стирать чисто. Этот стёр аккуратно, но оставил машине дыру, а машина не спит. Значит, не вертикаль. Человек. — Он закрыл файл. — Временных ключей обходчика в секторе — шесть. Дай мне сменные журналы по этим отметкам. И список того, кто входил в архив.

— Приказ?

— Фамилии — мне. Не задерживать при контакте. Не отпугивать. Наблюдение. — Варнек встал. — И, аналитик. Если это окажется тем, что я думаю, ты не пиши об этом ни строчки сверх формата. Я не хочу, чтобы у этой бумаги была история раньше, чем у человека.

Он вышел. Аналитик остался сидеть перед экраном, на котором ровная, нечеловеческая кривая лежала поверх временных меток, как ров, выкопанный между обычной жизнью и всем остальным.

Кайр тем временем пришёл домой к половине одиннадцатого, поужинал тем, что Нера назвала «макароны с запозданием», и всю ночь не спал — не из страха, а из-за звука, который вернулся.

Ворота Л-26 пели.

Не каждую ночь. Иногда — дважды за смену, иногда — молчали три дня. Тон был всегда один и тот же, низкий, растянутый, и тело Кайра отвечало на него раньше головы: рука под-

нималась, ладонь ловила вибрацию сквозь перила, и в такт пению в глубине поднималось — поднималось! — то, что не было ни задвижкой, ни магистралью.

Он лежал в темноте, слушал, как Нера скрипит пером в соседней комнате, и думал о том, что же такое было в том тёплом доме под отметкой минус семь, если оно, спустившееся оттуда к воротам, узнаёт его из всех людей на Эстаре.

Он не знал главного: что ответ на этот вопрос в этот самый момент лежал на столе у командира группы задержания в виде аккуратного списка из трёх фамилий.

И что фамилия Вейрн стояла в нём первой.

Глава 6. Выход

Вторая просадка пришла через пять дней и была не равномерной, а злой.

Горизонт подложки не опустился на девять метров, как в первый раз. Он опустился на четырнадцать — и неравномерно: участок под Л-12 провалился быстрее остального, как будто глубина давила туда прицельно. По всем расчётам, на отметке минус четыре начинал рваться межъярусный коллектор, а на отметке минус шесть, в старом техническом кольце, в этот момент находились люди: бригада каптажа, шесть человек, зашедшая туда до объявления тревоги, с рациями, работавшими на частоте, которую просадка глотала.

— Шесть человек, — сказал Гарн в оперативном зале, глядя на схему так, как смотрят в лицо врагу. — Коллектор рванёт через девяносто минут. Третьего выхода из кольца нет — только через отстойник минус пять, а отстойник заварен с твоих, Кайр, чертежей. Ты его заваривал сам два года назад.

— Я его заваривал сам, — сказал Кайр.

— И что мне писать в доклад? «Открываем, только если кто-то сумеет»?

В оперативном зале стало тихо. Дежурные смотрели в схемы. Гарн смотрел на Кайра.

С того вечера на Л-18 прошло двадцать три дня. За эти дни Кайр понял о своём новом теле три вещи, которые не были написаны ни в одной тетради. Оно не уставало от давления — оно уставало от лжи. Оно работало тем лучше, чем честнее была задача. И оно слышало перепады не только сквозь стены — оно слышало их сквозь людей: Гарн за последние недели стал для него открытой книгой, Дол — коротким аккуратным опусом про невесту, а оперативный зал — низким многоголосым гулом, в котором страх шести человек под землёй звучал поверх всего, как сигнальная линия.

Он слышал их. Шесть живых людей, которые отсчитывали своё время под четырнадцатиметровой толщей и не знали, что услышаны.

— Открываем, — сказал Кайр. — Я спускаюсь, вскрываю отстойник и веду их наверх. Мне нужно сорок минут и право не писать в журнал, как я это сделаю.

— Ты не сделаешь это руками, — сказал Гарн тихо. — Я не знаю, что ты делаешь со стенами, техник, но я вижу твои руки после Л-18. Они у тебя теперь не технические.

— Я сделаю это не силой, Гарн. Я сделаю это расчётом. Слушай план — четыре шага. Первый: я слушаю шов — в нём, как в любом старом шве, есть карта: участки напряжения, участки усталости. Второй: вскрываю не по метке резака, а по стыку слоёв, от наименьшего напряжения к наибольшему — каждый надрез снимает долю перепада и держит его ниже критического. Третий: когда перепад упадёт до единиц, срываю последнюю пластину — отстойник примет остаток кольца без второго рывка, потому что разница к тому моменту будет меньше его паспорта. Четвёртый: люди — за угол, к насосной: первый срыв, если я ошибусь на стыке, пойдёт вдоль шва — по прямой, где сейчас никого.

— А если ошибёшься не на стыке? — спросил Гарн.

— Тогда рукав минус шесть обрушится на меня. Поэтому шаг третий я делаю, только если слышу весь шов целиком. Ты писал в журнале «профилактическое вскрытие»? Пиши: «с поэтапным сбросом перепада».

— Расчётом, — повторил старший смены. Он произнёс это слово так, как командиры произносят слова, на которые подписываются. — Хорошо. Ты ведёшь. Я остаюсь наверху с радио. И, Кайр. Ты возвращаешься со всеми шестью. Или я перестаю быть тем, кто покрывает твою тетрадь с полтона.

Отстойник на отметке минус пять был заварен по всем правилам, которые сам же Кайр и писал: сплошной шов, двойной контур, расчётное время вскрытия бригадой — пятьдесят минут.

Кайр стоял перед ним один, положив ладони на холодный металл, и слушал.

Шов был длинным — двенадцать метров. Металл держал четырнадцать атмосфер перепада. Но металл был старым, и в нём, как в любом старом металле, была своя музыка: участки напряжения, участки усталости, участки, где атомы уже полвека жили на пределе и держались привычкой. Обычные люди видели шов. Кайр слышал карту.

Он не резал. Он пел в тон.

Первый надрез пошёл там, где напряжение было ближе всего к усталости, — не по метке резака, а по стыку слоёв, который тело нашло в толще за четыре секунды. Металл раскрылся не со скрежетом, а с долгим, ровным выдохом — так раскрываются швы, когда их вскрывают по воле материала, а не против неё. Кайр шёл вдоль шва, и за ним, метр за метром, отстойник отступал.

На седьмом метре он потел. На девятом — держался за поручень, потому что глубина давила теперь и на него: тело не любило, когда его так долго просили слушать. На двенадцатом — том, где шов встречался с основной стеной, — он остановился, потому что услышал по ту сторону металлургический счёт перепада: четырнадцать на одной стороне, две на другой, и между ними — шесть человеческих пульсов, у которых от страха сбилось дыхание в фазе.

— Отходим от шва! — сказал он в радио, впервые за всё время громко. — Все — за угол, к насосной! Быстро!

С той стороны зашумели. Кто-то спросил «почему?». Кто-то выругался. Все отошли.

Кайр снял последнюю удерживающую пластину, отступил на три шага — и отстойник раскрылся весь, целиком, с тихим, страшным, конечным звуком, с каким кончается то, что держалось слишком долго. Перепад упал. Воздух хлынул в кольцо — ровный, плотный, живой.

Шесть человек вышли из-за угла.

Первым шёл каптажный мастер — старик с обмороженным лицом. Последним — парень не старше Дола, который держал в руках гаечный ключ так, как держат икону.

— Ты кто? — спросил мастер. — Я тридцать лет в глубине. Так стены не открываются. Так стены НЕ БЫВАЮТ.

— Техник, — сказал Кайр. — Выше третьей отметки не поднимайтесь сутки: воздух в кольце ещё устаканивается. Идём наверх.

Наверху их ждали не только свои.

У шлюза третьей отметки, в галерее, которую Кайр знал всю жизнь, стояли шесть человек в сером. Не секторальная охрана — у охраны была синяя лента. Серые без ленты. Люди, которых в Нижних секторах не видели никогда, и которые поэтому были видны всем.

У одного из серых был прибор, похожий на большой пассатижи, и этот кто-то, не спрашивая ни Кайра, ни каптажных, поднёс прибор к каждому, кто выходил из шлюза. Прибор пискнул на старике. Пискнул на парне с ключом. Пискнул на Кайре — длиннее, чем на всех, и один из серых, с лицом, которое не выражало ничего, по привычке командира отметил это.

— Что это было? — спросил Гарн, подходя к серым. — По какому регламенту?

— По регламенту санитарной выборки, — сказал серый с прибором. Голос у него был учтивый. — Благодарим за помощь. Данные передаются в ведомственный медицинский архив. С вами всё, можете работать.

Они ушли так же тихо, как стояли. Гарн смотрел им в спину, и по его ритму Кайр слышал то, что старший смены никогда бы не сказал вслух: они записали всех. Всех, кто выходил. А Кайра — особенно.

— Санитарная выборка, — сказал Гарн потом, в лифте, глядя перед собой. — Тридцать лет работаю. Санитарной выборки с приборами без ленты в глубине не бывает. Бывает работа Палаты. — Он помолчал. — Кайр. Твоя тетрадь. Где она сейчас?

— В сумке с регламентами.

— Сожги её.

— Гарн—

— Я не знаю, что ты такое теперь, техник. Я знаю только, что у серых приборы пищали дольше на тебе, чем на старике, который полвека дышит глубиной. Сожги тетрадь. А лучше — уходи в отпуск. Ненужные людям вещи, — он посмотрел Кайру в глаза, — я всегда говорил: ненужное выбрасывают. А опасное — прячут.

Вечером Кайр стоял у окна своей квартиры и смотрел вниз, на двор. Нера уже спала — рабочая тьма шифровальщиц наступала рано.

Во дворе, под фонарём, стоял человек в форме секторального курьера и очень долго, минут двадцать, никому ничего не доставлял.

Кайр смотрел на него сверху вниз и думал о том, что серые с прибором пискнули на него длиннее всех.

И о том, что сегодня он впервые за восемь лет работы обманул не комиссию, не архив и не Гарна.

Он обманул глубину: отстойник он вскрыл так, как вскрыл бы его тот, кто ждал под отметкой минус семь. Он пел в тон. Он договаривался с давлением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.